

Из воспоминаний о Я. Б. Гамарнике ¹

Майор в отставке И. РАЧКОВ

В ПЕРВЫЕ я увидел Яна Борисовича Гамарника на белорусских маневрах в сентябре 1929 года. Наш вагон Главполитрукводства стоял рядом с вагоном командования. Однажды в окне этого вагона я заметил человека с темнорусой бородой. На петлицах его гимнастерки было четыре ромба.

— Кто такой? — спросил я у начальника отдела снабжения ПУРа Александрова.

Саша Александров знал все и всех. Он был искренне удивлен моим вопросом.

— Секретарь ЦК Белоруссии, член Реввоенсовета Белорусского военного округа Гамарник.

Ян Борисович Гамарник, в прошлом член Реввоенсовета Южной группы 12-й армии, один из славной плеяды героев гражданской войны, возглавил вскоре Политическое управление Красной Армии.

В первый день вступления Гамарника в новую должность его старший секретарь Наум Осипович Орлов, критически окинув меня взглядом с ног до головы, велел одеться по форме и побриться. Я насторожился: почему это меня, рядового работника отдела печати, вдруг вызывает старший секретарь начальника ПУРа, почему так придирчиво осматривает? Но, видимо, и сам Орлов знал только то, что мне предстоит встреча с товарищем Гамарником. Можно понять, с каким волнением я шел домой, чтобы переодеться и побриться, с каким волнением вернулся и ждал вызова.

Ян Борисович вышел навстречу, пожал руку, подвел к креслу. Сам же не сел к столу, а устроился на подлокотнике соседнего кресла. Потом я привык к этой его манере — во время разговора садиться на подлокотник дивана.

Я почувствовал себя свободнее, но волнение не улеглось, особенно, когда Ян Борисович прямо, без всяких предисловий, предложил работать с ним. Признаюсь честно: у меня это предложение не вызвало большого энтузиазма. Недавно комиссия по чистке партии рекомендовала послать меня на учебу. В академию принимали до 33 лет, а мне уже шел 32-й.

Гамарник слушал меня, не перебивая. Его суровый, чуть исподлобья взгляд был обращен на меня. Едва я кончил, он встал:

— Да, все правильно. Но после десятилетнего перерыва в армейской работе мне не так легко сразу найти нужных сотрудников, а вас рекомендовал Якир.

Я дал согласие вовсе не потому, что доводы Гамарника показались мне убедительными. Просто в силу закона воинской дисциплины. Имело значение и то, что Гамарник с самого начала вызывал к себе большое уважение. Но я бы покривил душой, если бы стал уверять, будто с первой встречи проникся к нему симпатией и любовью. Более того, меня несколько насторожила его суховатая деловитость, немногословность.

¹ Я. Б. Гамарник родился 2 июня 1894 года в Житомире в семье служащего. Детство и юность Гамарника прошли в Одессе. Учился в гимназии, вступил в нелегальный марксистский кружок. Учился в Петербургском психоневрологическом институте и на юридическом факультете Киевского университета, продолжая работу в нелегальных революционных организациях. В сентябре 1916 года вступил в РСДРП(б). После Февральской революции 1917 года — секретарь Киевского комитета партии. Активно участвует в борьбе против контрреволюции и интервенции на Украине, руководит большевистским подпольем в Харькове, Крыму и Одессе. В мае 1919 года Я. Б. Гамарник был избран председателем Одесского губкома партии, а затем членом Совета обороны Одесского округа. В августе—сентябре 1919 года являлся членом РВС Южной группы войск 12-й армии, потом военным комиссаром 58-й стрелковой дивизии. С февраля 1920 года Гамарник снова возглавляет Одесский губком партии, с июля 1920 года — председатель Киевского губкома партии, губревкома (позже губисполкома). В июне 1923 года партия направляет Гамарника на Дальний Восток, где он занял пост председателя Приморского губисполкома, с июня 1924 года — председателя Дальревкома, с 1926 года — секретаря Дальневосточного крайкома ВКП(б). В конце 1928 года был направлен в Белоруссию и избран первым секретарем ЦК КП(б) Белоруссии.

С октября 1929 года Гамарник — начальник Политического управления РККА и член РВС СССР, с июня 1930 года — заместитель наркома обороны СССР. В сентябре 1935 года ему было присвоено воинское звание — армейский комиссар 1 ранга. Член ЦК и Оргбюро ЦК ВКП(б). 31 мая 1937 года в обстановке массовых репрессий, порожденных культом личности Сталина, покончил жизнь самоубийством.

Выйдя из кабинета, я все еще чувствовал на себе пристальный, сосредоточенный взгляд нового начальника ПУРа.

Так началась моя работа в качестве секретаря Яна Борисовича Гамарника, продолжавшаяся до зловещего майского дня 1937 года. Много пережито, увидено, сделано за эти годы. Перед моими глазами постоянно был человек, который понимал жизнь как служение делу партии. Для него не существовало иных интересов и желаний, он не знал усталости и, несмотря на тяжелую болезнь (диабет у него начался до прихода в армию), работал дни и ночи напролет, совершал длительные поездки в самые отдаленные уголки страны.

Ян Борисович не принадлежал к числу тех руководителей, которые с первого же своего появления «завоевывают» подчиненных. Он не расточал улыбок, ему было чуждо этакое «похлопывание по плечу». Гамарник был требователен, строг, подчас суров. Но целеустремленность, сдержанная страстность, чувствовавшаяся в каждой его шаге, в каждом слове, не могли не действовать на тех, кто работал рядом с ним. Он был демократичен по натуре, у него не возникало надобности держаться задвинутого, чтобы слыть высоким. Через несколько дней после появления Яна Борисовича в ПУРе состоялось очередное партийное собрание. Он пришел вместе со всеми и скромно сел где-то в углу.

Вступив в должность начальника ПУРа, Ян Борисович вскоре же поехал в Украинский военный округ, которым командовал Иона Эммануилович Якир — соратник Я. Б. Гамарника по гражданской войне на Украине. Там же на высших должностях находились и другие знакомые ему командиры, как, например, И. Н. Дубовой, И. И. Гарькавий. На совещании высшего командного состава в Киеве Ян Борисович по-товарищески обратился к присутствующим с просьбой помочь ему войти в курс армейской жизни. Свою речь он начал так:

— Товарищи! После длительного десятилетнего отпуска с постоянной работы в Рабоче-Крестьянской Красной Армии, при наличии только в последние годы связи с Сибирским и Белорусским округами в качестве члена реввоенсоветов этих округов, Центральным Комитетом партии я вновь возвращен в Красную Армию для работы в качестве руководителя партполитработы в Красной Армии. Я только на днях вступил в исполнение обязанностей нач. ПУРа, и первой моей задачей, естественно, является — ознакомиться с работой армии более подробно, чем я имел к этому возможность в качестве секретаря партийных организаций, входящего в состав окружных реввоенсоветов. И я счел необходимым начать это ознакомление с Украинского военного округа потому, что он — один из важнейших округов и потому, что с этим округом у меня, персонально со многими из вас здесь сидящими, все-таки старинная связь по активной вооруженной борьбе против Деникина, белополяков, Петлюры и прочих белых банд.

В задушевной беседе с командирами Ян Борисович сразу окупился в гущу армейской жизни. Возвращаясь в Москву, он уже знал, какими интересами живут войска, каковы их нужды и стремления. Гамарнику не потребовалось много времени, чтобы снова войти в курс военной работы.

Уже 23 февраля 1930 года он выступил в «Правде» со статьей «В тринадцатый год!»

«Сегодня больше, чем когда бы то ни было, — писал он, — надо ухватиться за важнейшее звено — за технику. Сегодня сильнее, громче, чем когда бы то ни было, должен звучать лозунг — даешь армии мотор, даешь автомобиль, танк, самолет, даешь технику, даешь лучшее, наиболее современное оружие. А от армии больше, чем когда бы то ни было, надо требовать овладения техникой, научиться управлять ею, все выше подымать техническую культуру бойца, командира и политработника...

Четко, со всей решительностью надо проводить последнюю директиву Ревсовета о форсировании темпа единоначалия. Мы уже имеем налицо перелом, и значительно усилился темп выдвижения единоначальников. Надо продолжать эту работу дальше. Политаппарат и парторганизации должны усилить свою помощь командиру-единоначальнику в осуществлении им политического руководства частью... Пусть 13 год будет годом дальнейшего значительного укрепления единоначалия в Красной Армии...

В огромной степени вырастает роль политработы. Надо неустанно разъяснять красноармейцу всю нынешнюю внутреннюю и международную обстановку, **то новое**, что есть во внутреннем и международном положении... Усилить пролетарское, коммунистическое влияние на красноармейца, интернационально воспитать его, воспитать в духе безграничной преданности пролетарской диктатуре и готовности до конца бороться за дело социализма, — эта решающая задача политорганов и парторганизаций приобретает сейчас особо исключительное значение».

Раскрывая задачи Красной Армии, Я. Б. Гамарник главное внимание сосредоточивал в статье на боевой подготовке. Он писал: «Никуда не годится тот политработник, тот командир, который не понимает или даже на одну минуту забывает, что **основное, главное, решающее для армии всегда, а сейчас особенно, — это боевая подготовка**».

Статья написана в стиле характерном для Гамарника, — деловито, сжато, с умением определить задачи не только нынешнего, но и завтрашнего дня.

Помню, как он работал над статьей, как снова и снова переписывал ее, правил странички, которые я приносил от машинистки. В эти дни, как и обычно, он был крайне занят, но когда кто-то из секретарей неуверенно посоветовал: мол, пусть в отделе печати «подработают» статью, там есть опытные журналисты, Ян Борисович с негодованием отверг это предложение.

В мае 1931 года проходило 3-е Всесоюзное совещание секретарей партийных ячеек. Основной доклад на этом совещании делал Ян Борисович. В докладе он особое внимание обращал на умение партийных ячеек конкретно, по-деловому, вплотную заниматься вопросами боевой подготовки и овладения боевой техникой, воинской дисциплины и примерности коммунистов и комсомольцев в боевой и политической подготовке. Он прямо говорил, что те коммунисты и комсомольцы, которые не подают пример образцовой воинской дисциплины, не достойны высокого звания членов партии и Ленинского комсомола. Главным тезисом доклада было: решительно улучшить всю партийно-политическую работу, подчинить ее содержание, формы и методы новым и сложным требованиям, выдвигаемым перед армией ее техническим оснащением и огромным политическим и культурным ростом приходящих в казарму бойцов.

Слушавшие Яна Борисовича могли подумать, как легко даются ему доклады: говорит, не заглядывая ни в какие конспекты, как будто ведет экспромтом беседу с младшими товарищами. К слову сказать, Гамарник никогда не читал докладов по заранее подготовленному тексту. Но готовился он к выступлению всегда тщательно, изучая большой материал, советуясь со многими товарищами. И если говорил легко и свободно, то это было результатом всесторонней подготовки, долгих размышлений. Набрасывал краткие тезисы, записывал фактические данные, но редко во время доклада обращался к запискам — и без того все прочно сидело в голове.

По отношению к самому себе он был удивительно неприхотлив, я бы даже сказал, аскетичен. После переезда в Москву первое время жил с семьей в небольшой темной квартире, обставленной неказистой мебелью, и нисколько этим не тяготился, вероятно, даже не замечал этого.

Из-за диабета он постоянно находился на диете, безоговорочно соблюдал ее и все предписания врачей. Дважды по решению ЦК партии и правительства ездил ле-

читься за границу. Но никогда не говорил о болезни, к лечению и диете относился как к необходимости, продиктованной интересами работы.

Но при всей своей внешней сдержанности, даже суровости, Ян Борисович был удивительно добрым, сердечным человеком. И чем ближе люди его узнавали, тем больше в этом убеждались. Всех нас восхищало его умение дружить, дорожить дружбой, проносить ее сквозь годы. Товарищеская близость, завязавшаяся еще в пору гражданской войны, до последних дней жизни связывала его с Ионой Эммануиловичем Якиром, Василием Николаевичем Левичевым, Иваном Наумовичем Дубовым, Василием Константиновичем Блюхером, Гайком Александровичем Осепяном, Лаврентием Картвелишвили. Каждый из них, приехав в Москву, навещал Яна Борисовича.

Обычно Я. Б. Гамарник не спрашивал подчиненных, как они себя чувствуют, как их здоровье. Но почему-то случалось так, что переутомившемуся товарищу вдруг звонили из Санитарного управления и сообщали, что для него выделена путевка в санаторий. Вскоре все мы убедились: это не было случайностью; дела государственной важности, которыми денно и нощно был занят Ян Борисович, не заслоняли от него людей. Ничто не могло скрыться от его спокойного, сосредоточенного взгляда.

Работать при Гамарнике приходилось с напряжением, подчас было трудно, но всегда интересно. И все же меня не оставляла мысль об учебе. Как-то я поделился ею с Яном Борисовичем.

— Да, помню, помню, — задумчиво сказал он, — только сейчас вряд ли удастся. Обстановка... Дальний Восток...

Больше я не упоминал об учебе. Тем более, что все мы, сотрудники Яна Борисовича, «заразились» его страстью — Дальним Востоком.

Дальневосточная деятельность Гамарника началась еще в двадцатые годы, когда он работал председателем Приморского губисполкома, а затем председателем Дальревкома и Далькрайисполкома. Но и в дальнейшем, находясь на посту начальника ПУРа, он вел поистине колоссальную работу по руководству экономическим, оборонным и культурным освоением Дальнего Востока.

Как-то раз во время поездки на Дальний Восток Я. Б. Гамарник встретил там только что приехавшего бывшего председателя Совнаркома СССР тов. Адамовича. Тот обрадовался встрече и обратился к Гамарнику с вопросом:

— Ян Борисович, подскажите, с чего начать строительство в районе Уссурийска?
— Приобрети лошадь, телегу, езжай и вилай.

Он и сам придерживался такого принципа. Еще работая в Приморском губисполкоме и Далькрайисполкоме, вдоль и поперек изъездил таежный край. С присущей ему обстоятельностью он изучил природные условия, экономические возможности, этнические особенности, своеобразие границ и театров военных действий.

По решению ЦК партии и Совнаркома Ян Борисович ежегодно на 4—6 месяцев оставлял свою служебный кабинет в ПУРе и отправлялся в поездку по Дальнему Востоку. На нем, уполномоченном ЦК ВКП(б), лежало руководство промышленным и оборонным строительством на Дальнем Востоке. Он возглавлял специальную комиссию, куда входили начальник Штаба РККА А. И. Егоров, инспектор морских сил при наркомате обороны Р. А. Муклевич, командующий Дальневосточным военным округом В. К. Блюхер и другие товарищи. Комиссия должна была определить дислокацию войск, подготовить предложения для создания Тихоокеанского флота, развернуть строительство казарм и оборонительных объектов вдоль границы, найти места базирования флота и т. д.

Конечно, длительные поездки, вагонная жизнь, недолгий сон под перестук колес — дело не особенно подходящее для тяжело больного человека. И все-таки именно в дальневосточных командировках Гамарник расцветал.

Одной из важнейших задач было тогда создание крепких приграничных гарнизонов. А как их создашь, когда нет казарменного фонда? Гамарник объезжает населенные пункты, где находились остатки военных городков времен русско-японской войны. Приходилось использовать и их, полуразрушенные кирпичные коробки превращать в солдатское жилье. По указанию Гамарника туда прибывают строительные батальоны, начинают работу. Но где взять строительные материалы, продовольствие?

Взети из центральной части страны дорого и сложно. По инициативе Я. Б. Гамарника создается колхозный корпус во главе с комкором тов. Калмыковым. Красноармейцы занимаются боевой подготовкой, несут службу и одновременно ведут сельскохозяйственные работы. Этот корпус просуществовал до 1937 года и сыграл свою роль в освоении приграничных районов Дальнего Востока.

Я. Б. Гамарник глубоко вникал в службу и быт войск. Помню, стрелковый полк г. Романовского должен был совершить переход из Хабаровска к побережью. Идти предстояло по бездорожью, по зимней тайге. Гамарник проверил состояние полка и убедился, что у бойцов не хватает многих предметов бытового обихода, чтобы начать жизнь в районе нового расположения. Ян Борисович посоветовал местным органам обратиться за помощью к населению — в то время страна наша была еще бедна — и полк получил все необходимое. В результате тщательной подготовки переход был совершен успешно: в полку не оказалось ни одного заболевшего, ни одного случая обморожения.

Припоминается другой эпизод. С Балтики и Черного моря в Хабаровск прибыла группа моряков на службу в создававшейся Амурской военной флотилии. Несколько командиров, недовольных тем, что их, моряков, послали плавать по какой-то реке, подали рапорты об увольнении в запас.

Гамарник вызвал этих командиров. Он не распекал их, не стыдил, а просто рассказал об Амуре, о его бурном нраве, о берегах, об истории этого края. Это был рассказ человека, влюбленного в Амур и умевшего заразить других своей любовью. Командиры слушали его, как зачарованные, а потом попросили вернуть им поданные рапорты. В заключение Ян Борисович сказал им:

— Вы сами послужите здесь, проведете учения и убедитесь, что такое Амур.

Через год он встретился с этими командирами. Ни один из них не пожалел, что остался на Амуре.

Каждая поездка Гамарника в таежный Приморский край — это бесконечное множество дел, бесчисленное количество вопросов. Больших и малых, требовавших незамедлительного решения. Но одной из таких поездок принадлежит особое место и в биографии Гамарника, и в истории Дальнего Востока.

В 1932 году, когда четырехмесячная командировка подходила к концу, Гамарник дал из Владивостока телеграмму в Москву: работу, мол, завершил, пора возвращаться. Ответ был неожиданный: ему предлагали задержаться еще месяца на два, а пока выехать в Хабаровск к прямому проводу.

В один из ближайших дней состоялся разговор. Центральный Комитет и правительство поручали Я. Б. Гамарнику подыскать на нижнем течении Амура место для закладки нового города. Создавалась специальная комиссия во главе с Я. Б. Гамарником. В нее вошли секретарь крайкома С. Н. Бергавинов, председатель крайисполкома Г. М. Крутов, инспектор морских сил при наркомате обороны Р. А. Муклевич, члены Реввоенсовета ОКДВА А. И. Мезис и Р. А. Таиров и другие руководящие работники и специалисты.

Маршрут комиссии местами пролегал по нехоженным местам. По Амуру до села Пермского двигались на машинах. Впереди шли саперы, простукивали лед, искали запорошенные снегом трещины.

Когда проделали около двухсот километров и приблизились к селу Троицкому, впервые увидели местных жителей. Те были крайне удивлены появлением необычных гостей.

— Куда путь держите? — спросили они.

— К селу Пермскому.

— Не проехать. Утонете. Машины еще, может быть, вытащим, а вас вряд ли.

Я. Б. Гамарник решил добраться до Троицкого, откуда связаться по радио с В. К. Блюхером и попросить его прислать самолет.

Переговоры с Блюхером происходили при мне, так как я вместе с другими секретарями оставался при штабе ОКДВА для связи.

У писателя П. А. Павленко в романе «На Востоке» есть такое место: «В декабре прошлого года приехал из Москвы невысокий бородатый человек с мрачным лицом и добрыми веселыми глазами. Он приказал снарядить самолет на север и, посмотрев планы закладки города, сказал твердо: «Город начнем вот здесь, в тайге на Нижнем Амуре». Это — о Яне Борисовиче Гамарнике, об основании Комсомольска-на-Амуре.

В первоначальном варианте романа Гамарнику была посвящена целая глава. Но Ян Борисович, прочитав рукопись, просил убрать эту главу и не упоминать его фамилию. От главы осталось несколько строк.

Но не только строительство Комсомольска-на-Амуре связано с именем Я. Б. Гамарника. Посмотрите на карту Дальнего Востока. Вы видите угольный бассейн в районе Сучана и Артема. Строительством новых шахт, вопросами добычи угля занимался непосредственно Гамарник.

Да разве все перечислишь! Сколько труда вложил Гамарник в благоустройство Владивостока, реконструкцию владивостокского порта. Он неустанно следил за строительством водопровода на участке станция Седанка — Владивосток. По его предложению и под его руководством прокладывались вторые пути на линии Карымская — Владивосток, строилась железная дорога Волочевка — Комсомольск-на-Амуре...

Никогда не забыть последней поездки Яна Борисовича на Дальний Восток осенью 1936 года. С ним ездили тогда заместитель начальника Генерального штаба Василий Николаевич Левичев, заместитель наркома оборонной промышленности Романульд Адамович Муклевич. Взял с собой он меня и Носова.

В Чите Гамарника встретили командующий войсками ОКДВА Василий Константинович Блюхер и член Военного совета Лев Яковлевич Аронштам. Оттуда отправились в район Карымская-Даурия, где проводились учения войск Забайкальского военного округа. В учениях участвовал кавалерийский дивизион, которой командовал Константин Константинович Рокоссовский. Проводили учения хорошо, Яна Борисовича не покидало бодрое, радостное настроение. Он хвалит командный состав и бойцов, но в беседах советовал им совершенствовать полевою выучку, добиваться новых, более высоких показателей.

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке